

Никогда не думала, что после переезда мне больше всего будет не хватать этого магазина. Раньше он был недалеко от дома, минут 15 до него пешком, я туда каждую неделю ходила, узнавала, что есть нового в ассортименте. А теперь не сходишь...

Хороший такой магазинчик, маленький, при фабрике фарфоровых изделий, они туда нестандарт отдавали, и продавался он по сниженным ценам, понятно. Так-то их изделия продают в магазинах в центре города по заоблачным ценам (кто их там покупает? Если только иностранцы как сувениры). А здесь цены были ещё божеские, правда, выбор небольшой и немного с брачком – с разными щербинками, чернушками, пятнами. Но иногда можно было что-то приличное выбрать.

Меня в этот магазин привела вообще-то моя любовь к фарфоровым безделушкам. В детстве у меня была маленькая скульптурка гиппопотамчика этой фабрики, уж очень она мне нравилась. Потом у

неё была отбита передняя ножка, не помню, при каких обстоятельствах. И вот по прошествии долгого времени я случайно зашла в этот магазин и к радости своей увидела партию таких гиппопотамчиков: сидели группкой на полочке, и рты у всех открыты. Я сразу купила себе одного, долго выбирала – там разрешали выбирать товар. Забракованы они были из-за мелочей, незаметно почти. Я взяла такого, у которого рот немного криво окрасился, белый зуб получился неровным. А больше никаких дефектов не было.

И потом я стала частенько заглядывать в этот магазинчик. Иногда покупала скульптурку, иногда – чашку, мало ли, пригодится подарить кому-нибудь. Как-то купила сине-красного петушка-солонку, на нём тоже краски немного расползлись. Но сам он красивый, яркий. Тарелочка попадётся иногда симпатичная. Этими покупками у меня уже заставлены все полки в серванте. Что по этому поводу мне дома говорят, я уж умолчу.

О моей любви к магазинчику все родные знали. Однажды я сказала дочери, что сегодня в музей собираюсь, она мне ответила:

– В какой? В свой музей брака-дела?

Но вообще-то я хожу туда не столько за покупками и не только потому, что хочу знать, какой товар производит как раз наш фарфоровый заводик. Мне там в целом нравится – послушать, что говорят продавцы, а что – покупатели. Иногда бывают очень интересные покупатели. Я туда за новостями хожу. И узнаю за одно посещение больше, чем за неделю на работе. У нас работают интеллигентные люди, у них ничего не случается. А если и случается, то они не рассказывают.

А в магазине продавщицы всегда охотно рассказывают про товар, про дела на фабрике. Я узнала, что сменился поставщик сырья, глины, теперь она гораздо дороже, следовательно, цены на их изделия возрастут.

Всякие разные покупатели там встречаются. Я хожу, рассматриваю изделия в витринах, а заодно и посетителей. Как-то видела потрепанного-помятого мужичка, явно пьянчужку, который купал вазочку-конфетницу на ножке, белую с синей росписью. Стоила она недорого, вида была довольно затрапезного. Я подумала, что мужичок идёт, наверное, на день рождения к своей любезной, вот подарочек ей приобрёл. Я даже испытала к нему уважение: всё-таки к прекрасному тянется, фарфоровую вазочку принесёт, а не бутылку водки. Хотя без этого тоже не обойдётся.

Однажды наблюдала, как девушка покупала сервиз чайный. Очень простой раскраски – какие-

то голубые и зелёные цветы, но уж очень их было мало, большая часть поверхности оставалась белой, поэтому выглядел сервиз незаконченным.

– Правда же, хороший сервиз? – искала поддержки покупательница у продавщицы.

Та молчала, видимо, врать не хотела.

– Ведь можно его на свадьбу подарить? – снова спрашивала покупательница, пока ей доставали товар из витрины.

Нет, хотела уже отозваться я, не надо его на свадьбу дарить. Они обидятся. Я бы обиделась за такой сервиз.

Я понимала, почему девушка покупала этот сервиз – он был самым дешёвым там. Я хотела посоветовать девушке, что на такую сумму она в другом месте что-нибудь покрасивее найдёт. Но в последний момент удержалась.

В другой раз взлохмаченный, но симпатичный мужчина закупался посудой на все случаи жизни, видно, ничего у него не было, человек начинал жизнь с нуля. Наверное, вернулся из мест заключения, подумала почему-то я. Стояла рядом, наблюдала, как он выбирал простые белые чашки, перебрасывался репликами с продавщицей, обернулся ко мне с улыбкой, я стала зачем-то ему советы давать: вы пальцем по краю чашек проведите, а то некоторые довольно у них шершавые получаются, пить из них неприятно.

– Да, я всё равно не почувствую, – ответил он мне с улыбкой, – лишь бы чашки были.

У него была с проседью борода, и улыбался он при этом очень по-доброму. Я улыбнулась ему в

ответ, а так как я присмотрела небольшую декоративную тарелочку с животными – редкий экземпляр, – то стояла и дальше наблюдала за его покупками. Он хотел купить также тарелки.

Продавщица вышла в соседнюю комнатку–кладовку, где у них хранился товар, а я опять не удержалась со своими советами:

– Вы бы лучше купили стеклянный французский сервиз, в нём всё сразу есть, и он очень практичный, легко моется, и гораздо красивее, чем эти белые чашки.

– Да где я теперь буду искать этот французский сервиз?– снова улыбнулся он мне. – А так здесь под боком можно сразу всё купить, и не надо ни о чём думать.

– Да, тоже верно,– согласилась я.– Я сюда постоянно хожу только потому, что рядом с домом. И не потому что мне что-то надо, а просто из любопытства. И что-нибудь при этом куплю.

Не знаю, почему меня понесло в объяснения, но он выслушал мои излияния, даже вроде бы с интересом. Тут вернулась продавщица с тарелками и избавила его от необходимости отвечать. Они стали выбирать для него тарелки, глубокие и поменьше, плоские. Я стояла рядом, иногда встревала со своими замечаниями:

– Нет, эту не надо, на ней уж очень чернушек много.

Наконец, они выбрали всё необходимое, продавщица ловко завернула ему покупки в бумагу, он расплатился. Пришла моя очередь выбирать, я рассматривала приглянувшуюся мне тарелочку. Была она также немного с брачком, но почти незаметно, я её взяла. А мужчина всё это время стоял у прилавка, разбирался с деньгами в кошельке, потом шуршал свои-

ми пакетами с покупками, что-то в них переключивал. Я купила ту тарелку, и мы вышли с ним вместе из магазина. Он дверь для меня открыл.

– Теперь бы ещё где-нибудь вилки и ложки купить...– обратился он ко мне на улице.– Вы не знаете, случайно, тут такой магазин?

– Да, вилки и ложки тоже надо купить,– я в раздумьи оглянулась вокруг.

– Я, знаете, только что сюда переехал, комнату снял,– пояснил он.

– А вы по работе сюда переехали или по семейным обстоятельствам?– спросила я, чтобы выиграть время, а сама лихорадочно раздумывала, где поблизости есть хозяйственные товары.

– Это как посмотреть,– усмехнулся он.– Работу я тут нашёл, значит, по работе. И, конечно, по семейным обстоятельствам тоже. С женой мы разошлись, вот я и переехал. Начинаю, значит, жизнь с нуля.

Мне стало неловко от его откровения.

– Если бы мы были в другом районе, то я бы вам сразу показала хороший магазинчик, там всё есть,– сказала я первое, что пришло в голову.– А в этом районе я ничего из кухонного обихода не покупала...

Я всё ещё оглядывалась вокруг. Он стоял рядом и ждал.

– Ах, знаете, там чуть подальше,– вспомнила я,– есть небольшой торговый комплекс, там есть секция с хозяйственными товарами. Я недавно видела. Пойдёмте, я вам покажу.

– Спасибо, мне неудобно вас затруднять. Вы мне просто покажите, где, я уж сам найду,– он отвечал в добродушно-ласковой

манере, что ему хотелось непременно помочь.

– Ах, пойдёмте, мне всё равно по пути, я вам покажу.

– Если вам по пути, то, конечно, пойдёмте.

Мы с ним пошли по направлению к торговому центру.

– Откуда вы переехали, если не секрет?– спросила я по дороге.

– Нет, какой уж тут секрет,– усмехнулся он,– с Сахалина я переехал.

– С Сахалина! Издалека.

– Нет, вообще-то я отсюда, мы с мамой в центре всегда жили, но последние лет двадцать я прожил там, на Сахалине. Уехал туда, когда здесь работы не стало. Решил счастья попытаться, вот там и оказался.

Он помолчал, мы шли дальше.

– Устроился на судно, мы крабов ловили, в Корею их продавали. Нашёл себе там женщину с ребёнком, мы вместе жили, переехал я к ней, девочку растили. Хорошо жили, я в плаванье ходил, пока нас квотами душить не стали. Потом Надя наша выросла, учиться пошла на медсестру, парень у неё был хороший. Они пожениться собирались, уже мы свадьбу готовили, платье ей купили. И за два дня до свадьбы пошла Надя к подружке в гости. А мать говорила ей: не ходи. Но она отвечает: на часок сбегаю. А у подружки отчим был алкоголик, и он сидел пьяный на кухне и чего-то ему не понравилось, он ножом Надю и ударил в живот.

– Ой, господи!– воскликнула я в ужасе.

– Да, на «Скорой» её увезли, но она ещё по дороге скончалась. Так и похоронили мы Надю в свадебном платье. Жених её Андрей так у гроба рыдал, думали он умом помешается. Да и мать

тоже все глаза выплакала. А потом стала пить, чтобы забыться, так и не могла остановиться, совсем опустилась. Стали какие-то алкаши к ней ходить. А потом она мне говорит: не могу я больше с тобой жить, уходи, видеть я тебя не могу. Я ей о Наде напоминал. И ушёл я от неё. А куда идти? Вернулся к матери, прихожу в квартиру, а в комнате нашей другие люди живут и обо мне знать ничего не хотят. Оказалось, умерла моя мамка, а комнату уже несколько раз перепродали, так что я здесь уже и ни при чём,– усмехнулся невесело.

– Как же её так перепродали без вашего ведома?– удивилась я.

– Ну, она стояла бесхозная, так хозяин ей и нашелся.

– Что ж вы её не оформили на себя?

– Так я ж не знал, что мамы моей больше нет.

– Как вы не знали?– опешила я.

– Ну, вот так и не знал.

– Вы, значит, не общались с матерью?– всё никак не могла взять в толк я.

– Нет, не общались. Не мастер я письма писать, а звонить тоже не люблю, да там соседи вечно к трубке подходили... Вот, думал, приеду, всё сразу расскажу. Да всё никак не приехать было.

Я от такого прямо остолбенела. Это не укладывалось у меня в голове.

– И давно вы сюда не приезжали?– спросила я после некоторой паузы.

– Да лет уж десять, если не больше,– ответил он, смущённо улыбаясь.

– Да ну что ж вы так. Теперь уже поздно...

– Да, теперь уже поздно,– вздохнул он.

Мы подошли к торговому центру, остановились, постояли немного.

– И что вы теперь делаете?– спросила снова я.

– Да вот на завод устроился, шоферить буду,– снова в своей добродушной манере ответил он.– Я уж и на Сахалине шоферил, когда ничего другого не оставалось, так что мне привычно. Комнату тут снял у старушки одной, рядом с работой, так что не пропаду. Добрая такая старушка попала, вроде не алкоголичка, думаю, сживёмся с ней,– закончил он почти радостно.

– Хорошо. Удачи вам,– искренне пожелала я.

Объяснила ему, как найти на втором этаже секцию с хозтоварами.

– Спасибо тебе, хозяйка,– сказал он мне с улыбкой на прощание и поклонился, я даже подозреваю, что он хотел мне и руку поцеловать, сделал такое движение, но пакеты в руках мешали.

Я ещё обернулась, посмотрела, как он шёл в торговый центр со своими пакетами, большой и не-

уклюжий. Надо же, подумала я, до чего мужики народ безалаберный. Десять лет ничего матери о себе не сообщал... Бедная мать! Жалею, что я не высказала ему прямо моё осуждение его отношению к матери. Хотя, с другой стороны, я ведь не знаю всех подробностей. Может, мать его была пьяница, была его в детстве.

Вот узнаешь о такой чужой судьбе, так свои несчастья начинают казаться мелкими неприятностями, думала я дальше по дороге домой.

Я потом долго не заходила в мой магазинчик, не могла: как представлю белые чашки на полках, так вспоминаю про девушку в гробу в свадебном платье. Аж плохо становится.

Постепенно это подзабылось, я снова иногда заходила, рассматривала посуду, покупала что-то приглянувшееся.

Может, и лучше, что мы переехали. А то бы у меня квартира тоже вскоре превратилась в музей известного чего. А теперь через весь город туда не поедешь. Или съездить как-нибудь на выходных?